

же. Не давай ему отдохнуть ни на минуту. Пиши так, чтобы он не видел выхода; а начнешь выводить из лабиринта, делай это добросовестно, правдиво, убедительно. Хочешь оставить в тунике, разрисуй тупик вовсю, чтобы горло сжалось. И подай так, чтобы он видел, что сам виноват. Когда пишешь, не щади ни себя (пусть думают, что про себя пишешь), ни читателя. Но не смотри на него сверху, а дай понять, что ты и сам есть или был такой.

Восьмое: Обдумай материал: что показать сначала, что после. Заранее выведи нужных впоследствии лиц, покажи предметы, которые понадобятся в действии. Описываешь квартиру — составь ее план, а то, смотри, запутаешься сам.

Девятое: Знай, что собственно хочешь сказать, что любишь, а что ненавидишь. Выноси в себе сюжет, сживись с ним. Тогда лишь приступай к способу изложения. Пиши так, чтобы было видно, что ты знаешь свой предмет основательно. Пишешь о сапожнике, чтоб сразу было видно, что ты знаешь, в сапожном деле не повичок. Ходи и смотри, вживайся, слушай, сам прими участие. Из головы никогда не пиши.

Десятое: Работай! Не жалей зачеркивать, потрудись «в поте лица». Болей своим писанием, беспощадно критикуй, не читай недоделанного друзьям, бойся их похвалы, не советуйся ни с кем. А главное, работай, живя. Ты — репортер жизни. Иди в похоронное бюро, поступи факельщиком, переживи с рыбаками шторм на оторвавшейся льдине, суйся решительно всюду, броди, побывай рыбой, женщиной, роди, если можешь, влезь в самую гущу жизни. Забудь на время себя. Брось квартиру, если она у тебя хорошая, все брось на любимое писательское дело... Кончил переживать сюжет, берись за перо и тут не давай себе покоя, пока не добьешься, чего надо. Добивайся упорно, беспощадно».

Нетрудно увидеть, что почти все в этом литературном «катехизисе» — результат собственного огромного опыта, в том числе и неизбежных заблуждений и оплошностей молодости, первых шагов, когда трафареты и штампы, мелодраматизм, красоты преследовали писателя. Став признанным мастером, Куприн с любовной готовностью делится своими выношенными взглядами со всяким, кто хочет взяться за перо. И когда в эмиграции резко сузились впечатления, иссяк приток не только читателей, но и учеников, подмастерьев, он радуется каждой, пусть даже мнимой, возможности поделиться накопленным опытом, пишет подчас малознакомым людям вроде своего адресата из Финляндии Ф. Ф. Пульмана, перед которым с готовностью развертывает целую литературную программу.

«Хотите писать? Я вас на это уже благословил однажды, благословляю и теперь.

Что вас больше тянет: беллетристика? критика? философия? драма?

Я понимаю вашу муку над словом и боязнь потерять почву родного языка. Но, чтобы избежать того и другого, надо непременно и много говорить с людьми, знающими безукоризненно русский язык и притом не интеллигентский, который ни черта не стоит, а глубоко народный. Я сам ловил себя в Петербурге на том, что теряю вкус к слову. Месяц пребывания в Зарайском уезде (Рязанской губернии) или в Гдовском Псковской губернии, или в Кашинском — Тверской — освежали мой словесный запас и